

Глава 21. «Не могли бы вы отвезти меня в одно место?»

—

Теплые шторы цвета нежного бежевого мусса надежно скрывали от глаз непроглядную ночную тьму за окном. Внутри квартиры свет от потолочных светильников безмолвно заливал лакированную поверхность деревянного паркета, наполняя комнату уютом, теплом и мягким сиянием.

Однако даже самая теплая и гостеприимная обстановка была бессильна растопить ту ледяную, натянутую до предела атмосферу, что воцарилась сейчас посреди гостиной.

Чжоу Хэн, успевшая к этому моменту уничтожить большую часть мандарина, небрежным жестом швырнула кожуру прямо в мусорное ведро, смахнула невидимые крошки с ладоней и резко поднялась с дивана:

— Пап, мам, я же вам еще до этого сказала: никакие репетиторы мне не нужны! Я не шутки тут шучу, так что завязывайте заниматься пустой тратой времени!

В этот момент из кухни с бокалом воды в руках как раз выходила мама девочки. Услышав дерзкую тираду дочери, она так сильно вздрогнула, что жидкость выплеснулась наружу, оросив пол. Женщина прижала ладонь к виску; ее лицо отчаянно побледнело от подступившего гнева.

Нежелание дочери браться за ум и учиться давно превратилось в самую опасную минную зону внутри их семьи. Этой темы нельзя было даже касаться — малейшее упоминание неизбежно приводило к оглушительному взрыву.

Видя, как его супругу буквально трясет от ярости, отец семейства Чжоу поспешно подскочил к ней, принимаясь бережно гладить ее по спине и помогая восстановить дыхание.

— Ну тише, тише, не принимай близко к сердцу, — ласково приговаривал он. — Наша дочка просто дурачится, глупости говорит. Она ведь еще совсем девчонка, ну как это — не учиться?

Отец Чжоу по натуре своей был типичным неотесанным здоровяком, чья густая окладистая борода по плотности могла легко потягаться с шевелюрой на чужой голове. Однако сейчас, пытаясь утешить расстроенную жену, он лебезил перед ней, говорил подчеркнуто тонким, тихим голосом и испуганно поджимал плечи.

Наблюдавший за этой сценой со стороны Ся Синъань почувствовал, как у него внутри все невольно онемело.

«Надо же, любовь действительно способна превратить даже самого brutального мужика в кисельную массу».

Впрочем, Чжоу Хэн, которая с самых пеленок привыкла к подобным нежностям со стороны родителей, сейчас была слишком ослеплена протестом. Она лишь презрительно хмыкнула и вздернула подбородок еще выше, отчего ее многочисленные разноцветные косички зарябили в глазах окружающих.

— Да не люблю я вашу учебу! И вообще, вы меня совершенно не понимаете!

Оказавшись между двух огней, несчастный отец мог лишь беспомощно топтаться на месте,

пытаясь одной рукой унять дрожь супруги, а другой — отчаянно подавать знаки дочери, призывая ее замолчать и не усугублять ситуацию.

Однако настоящая глава этого дома, мама Чжоу, сделала два глубоких вдоха, решительно отодвинула в сторону путающегося под ногами мужа и шагнула прямо к дочери. С глухим стуком поставив стакан с водой на журнальный столик, она уставилась на девочку.

Ее глаза покраснели от подступивших слез. Женщина на мгновение прикрыла веки, массируя пальцами виски, и лишь затем выговорила:

— Повтори-ка еще раз? Чжоу Хэн, я для того, что ли, всю жизнь спину надрывала и растила тебя, чтобы в один прекрасный день ты просто свела нас двоих в могилу? Ты хоть представляешь, какого труда нам стоило подыскать тебе хорошего учителя? Твой отец наизнанку вывернулся, всех знакомых на уши поднял, чтобы выйти на Сяо Ся! Почему ты совершенно не ценишь то, что для тебя делают?

Отец Чжоу, испуганно вжав голову в плечи, тенью маячил за спиной разгневанной супруги, отчаянно пытаясь угодить обеим сторонам:

— Хэнхэн, ну подбирай выражения, не доводи маму до греха, у нее же здоровье слабое... Дорогая, иди в комнату, отдохни. Я сам с ней поговорю, с глазу на глаз, она у нас девочка умная, обязательно все поймет.

Мать Чжоу одарила его тяжелым взглядом, однако ее грудь стала вздыматься чуть более размеренно. Вновь переведя взор на дочь, она постаралась максимально смягчить тон:

— Хэнхэн, ты ведь еще совсем молода, ты даже не представляешь, сколько жестокости и грязи скрывается в этом обществе. Послушай мать, возьмишь за ум, окончи школу и поступи в приличный университет...

Эти нравоучения Чжоу Хэн слышала уже, наверное, миллион раз, так что на ушах мозоли образовались. Вся та робкая капля вины, что шевельнулась было в ее душе при виде бледности матери, вмиг испарилась, уступив место бешеной, обжигающей ярости. Когда она заговорила вновь, ее голос сорвался на визг:

— Учеба, учеба, учеба! Только об этом и говорите! Что, если человек не умеет зубрить книжки, он теперь и жить на этом свете права не имеет?! Да не перевариваю я ваши учебники! Не хочу превращаться в унылого ботаника, у которого нет ни капли собственного «я»! Вы только и умеете, что давить на меня, вам плевать на то, что я чувствую! Я люблю музыку! А вы считаете это пустой блажью и клеймите меня как отброс общества!

Девочка окончательно потеряла контроль над эмоциями, и прямо посреди ее гневной тирады из глаз брызнули крупные слезы.

Небрежно смахивая их рукавом косухи, она резко ткнула пальцем в сторону Ся Синъяня, который все это время тихонько стоял в углу, прижимая к груди свой рюкзак:

— Ну и ради чего прикажете зубрить? Чтобы стать таким же, как он?! Чтобы потом точно так же гробить свое здоровье и впахивать до седьмого пота, бегая по чужим домам ради копеечного заработка репетитора?! Да грош цена такой жизни! В ней нет ни капли смысла! Лучше уж сразу сдохнуть, чем так прозябать!

Получивший совершенно незаслуженную порцию стрел в спину Ся Синъянь невольно

поморщился, мысленно воя от обиды: «Эй, малявка, а меня-то ты за каким чертом в свои семейные разборки приплела? Я вообще мирная, тихая соленая рыба, а ты меня взяла и прилюдно на солнышке розгами высекла».

Между тем, услышав столь дерзкие и жестокие слова из уст дочери, мама Чжоу окончательно лишилась самообладания.

У нее даже дыхание перехватило, и она не сразу смогла членораздельно заговорить. Хватая ртом воздух, женщина дрожащим пальцем указала на входную дверь:

— Ты... ты просто сжить меня со свету решила! Раз так — катись на все четыре стороны! Иди, занимайся своей паршивой музыкой, слова больше не скажу! Я тебя не держу!

Чжоу Хэн, чья гордость была уязвлена не меньше, до боли стиснула зубы. Упрямо вздернув подбородок, она со всей дури хлопнула дверью и, даже не подумав обернуться, стремительно бросилась прочь из квартиры.

Стоило грохоту стихнуть, как в гостиной воцарилась мертвая, гнетущая тишина.

Это было похоже на то, как в котел с кипящей водой разом бахнули пару килограммов льда: все вокруг зашипело, покрылось густым белым паром, а резко упавшая температура заставила сердца присутствующих тоскливо сжаться от холода.

Ся Синъань, невольно ставший свидетелем этой безобразной семейной драмы, тихонько стоял в сторонке, боясь лишний раз вздохнуть.

Несчастливая мать обессиленно рухнула на диван и, низко опустив голову, горько разрыдалась, а ее плечи судорожно вздрагивали от плача.

Отец Чжоу, этот огромный, сильный мужчина, оказавшись меж двух огней, так и не смог примирить своих любимых женщин. У него и самого глаза были на мокром месте, когда он дрожащими руками протягивал супруге бумажные салфетки.

— Это все из-за меня... Сам я бестолковый, ничего в этой жизни не добился, вот и девчонку родную воспитать как надо не сумел.

Мама Чжоу едва заметно качнула головой и, размазывая слезы по щекам, сквозь всхлипы выговорила:

— Да при чем тут ты? Пусть катится! Посмотрим, как она запоем, когда по уши в грязь вляпается. Мечтает о своей группе? Вот и пусть идет, набивает шишки. Как только поймет, что мир крутится не вокруг нее, сама миленькая приползет обратно.

Мужчине ничего не оставалось, кроме как во всем соглашаться с разгневанной женой. Нежно поглаживая ее по спине, он после долгих уговоров наконец препроводил заплаканную женщину в спальню, чтобы та смогла прилечь и успокоиться.

Когда он вновь вышел в гостиную, его кулаки были плотно сжаты, глаза покраснели, а густая борода выглядела растрепанной и дикой. Стоило ему заговорить, как в голосе прорезался густой, тяжелый простудный шмыг:

— Эх, Сяо Ся, все из-за моей никчемности... Ни жену успокоить не могу, ни с ребенком сладить...

Ся Синъань посмотрел на этого в миг осунувшегося и постаревшего великана, тихонько вздохнул и мягко произнес:

— В каждой семье свои проблемы, ничего страшного, дядя Чжоу, все обязательно образуется.

Отец Чжоу лишь обреченно махнул рукой и тяжело выдохнул:

— У моей жены здоровье с детства слабое, поэтому воспитанием Хэнхэн в основном я занимался. Да только вот тюфяк я, никогда не мог поднять на нее руку или прикрикнуть как следует, вот и распустил ее до такой степени, что докатились до позора. Прости, Сяо Ся, что заставил тебя созерцать это непотребство. Возвращайся-ка ты сегодня домой, а я побегу на улицу, поищу ее. Девушке слишком опасно выходить на улицу одной так поздно.

Не успели эти слова сорваться с его губ, как из недр спальни донесся преисполненный гнева голос супруги:

— И не думай шагу ступить за порог! Хочет играть свой рок — пусть катится на все четыре стороны, нечего перед ней лебезить, все равно в ответ одни проклятия услышишь!

Несмотря на свой грозный и внушительный вид, в вопросах семейной иерархии отец Чжоу был чистейшей воды подкаблучником. Стоило жене подать голос, как этот великан испуганно вжал голову в плечи.

— Да-да, дорогая, я никуда не иду, — поспешно прокричал он в сторону спальни, панически боясь новой вспышки гнева. — Я просто... просто провожу Сяо Ся до дверей.

— Проводи и немедленно возвращайся, — донеслось в ответ. Похоже, на сей раз мать была настроена идти до победного конца в этой войне с дочерью.

Тяжело вздыхая, мужчина накинул на плечи куртку и вместе с Ся Синъанем направился к выходу из квартиры.

Ся Синъань был в довольно теплых отношениях с хозяином закусочной, но в подобные личные дела лезть со своими советами было верхом неприличия, поэтому он лишь молча шел следом за понурой фигурой мужчины вниз по ступеням.

Кто бы мог подумать, что его подработка репетитором накроется медным тазом еще до того, как он успеет открыть первый учебник.

На ночном небосводе сияли редкие, подернутые морозной дымкой звезды. Ледяной ветер завывал в подворотнях, разгоняя остатки облаков и безжалостно выдувая остатки тепла из одежды.

Едва покинув теплый подъезд, Ся Синъань тут же посильнее закутался в свой пуховик. В скудном круге света от уличного фонаря, который едва выхватывал из темноты пару квадратных метров асфальта, он принялся внимательно крутить головой, пытаясь разглядеть впотьмах силуэт безумной девицы с косичками.

Отец Чжоу, для которого это был первый случай побега ребенка из дома, совершенно растерялся. Его огромные руки дрожали, не зная, куда себя деть. Громким, басовитым голосом он принялся выкрикивать имя дочери, в панике нарезая круги вокруг своей многоэтажки.

— И что мне теперь делать? — в отчаянии мужчина запустил пятерню в свои редющие

волосы, собираясь рвануть за пределы двора.

Ся Синъань, сохранивший остатки хладнокровия, вовремя перехватил его за локоть.

— Дядя Чжоу, успокойтесь. Вы обыщите внутренний двор, велика вероятность, что Хэнхэн просто прячется где-то на детской площадке, чтобы выпустить пар. К тому же тетушка осталась дома совсем одна, если она узнает, что вы ослушались, будет только хуже. А я пройду по главным улицам района. Так мы разделимся, и поиски пойдут в два раза быстрее.

Мужчина, чья голова сейчас соображала с трудом, лишь согласно закивал и тут же ринулся вглубь темных дворовых тропинок, истошно выкрикивая имя дочери.

Ся Синъань со вздохом покорно извлек из кармана мобильник. Подсвечивая себе дорогу тусклым экраном, он направился к выходу из жилого комплекса.

Лунный свет, холодный и прозрачный, точно тончайший кусок шелковой газовой ткани, укутал промерзшую землю. Весь мир вокруг казался безжизненным и ледяным.

Юноша успел сделать два солидных круга по прилегающим переулкам, но не то что девицы — вообще ни одной живой души не встретил. Вместо этого из-за мусорных баков прямо ему под ноги с диким шипением выскочил бродячий кот.

При виде двух фосфоресцирующих зеленых огоньков, горевших в кромешной тьме, у Ся Синъаня сердце ушло в пятки. Он поспешно замер и, заискивающе поклонившись пушистому хозяину помойки, на цыпочках попятился назад, выбираясь из глухого тупика.

Однако стоило ему сделать шаг на освещенный тротуар, как пространство слева от него внезапно озарилось ярким светом фар, а тишину ночи прорезал резкий, требовательный автомобильный гудок, заставив парня испуганно обернуться.

Прикрыв ладонью глаза от бьющего в лицо ослепительного света, Ся Синъань сквозь щелочки прищуренных век разглядел, как перед ним плавно затормозил шикарный автомобиль.

Тонированное стекло со стороны водителя медленно поползло вниз, являя миру безупречные, точеные черты лица Янь Цзиньсю. В густых ночных сумерках его глубокие темные глаза казались еще более суровыми и пронзительными.

— Ся Синъань?

Этот глубокий, слегка рокочущий тембр голоса мужчины как нельзя лучше подходил для этой морозной зимней ночи — он словно сливался воедино со льдом и ветром. Было в этом звуке что-то такое, отчего у юноши едва не дрогнуло сердце, благо разум вовремя включил режим трезвости, заставив мозг мгновенно проясниться.

Ся Синъань, будучи в некоторой степени скрытым аудиофилом, невольно почесал покрасневшую от холода мочку уха.

Поскольку они уже виделись сегодня утром в ресторане, делать вид, что они не знакомы, было бы верхом невоспитанности. Юноша сделал два шага ближе к машине и приветливо улыбнулся:

— Какая приятная встреча. Время уже позднее, а вы все еще не дома?

Янь Цзиньсю едва заметно наклонил голову. Окинув быстрым взглядом пустынную темную улицу, он ровным тоном произнес:

— Ты направляешься домой? Если нам по пути, я мог бы подбросить тебя.

Ся Синъань мысленно присвистнул: «Надо же, а этот «белый лунный свет» — на редкость галантный и обходительный господин».

Аристократическое воспитание и безупречные манеры, привитые в элитной семье, сквозили в каждом движении Янь Цзиньсю. Он не поленился притормозить посреди ночи на темной окраине города лишь для того, чтобы предложить помощь едва знакомому человеку.

— Спасибо за предложение, но нет, я сейчас занят поисками одного человека, так что домой пока не собираюсь, — мягко отказался юноша.

Пальцы Янь Цзиньсю на рулевом колесе неосознанно сжались. Услышав этот ответ, он вопреки своей обычной сдержанности вскинул голову и прямо спросил:

— Кого ты ищешь?

Лишь когда фраза уже сорвалась с губ, мужчина осознал всю нетактичность своего вопроса.

Внутри него без всякой видимой причины поднялась глухая волна раздражения. Янь Цзиньсю полуприкрыл глаза, однако когда он заговорил вновь, его голос был образцом абсолютного спокойствия и деловитости:

— Я имею в виду, тебе нужна помощь? Ты выглядишь довольно встревоженным.

подавив в зародыше этот странный внутренний сумбур, Янь Цзиньсю повернул голову к Ся Синъаню. Он не торопил молодого человека, терпеливо и безмолвно ожидая, что тот ответит.

Изначально Ся Синъань собирался вежливо откланяться. В конце концов, он и сам понятия не имел, куда могла уйти эта взбалмошная Чжоу Хэн, и наличие элитного авто с водителем вряд ли могло сильно ускорить поиски в темных подворотнях.

Но внезапно в его голове, точно вспышка молнии, промелькнула одна дельная мысль. В следующую секунду юноша решительно посмотрел на Янь Цзиньсю и согласно кивнул:

— В таком случае, я воспользуюсь вашей добротой. Не могли бы вы отвезти меня в одно место?

—